

.....

ПРОЛОГ

2000 год, Измир

Полицейский инспектор Махмут Хильми чувствовал себя неуютно, допрашивая такого уважаемого человека, как Мехмед-Али Сезер. Тем более — по делу об убийстве! Он сильно потел, несмотря на то что кондиционеры в особняке работали на полную мощность. Тело уже унесли, и у подножия лестницы оставалось только большое, размазанное кровавое пятно. Наверху лестницы стены тоже были забрызганы кровью.

Мехмед-Али Сезер, один из самых богатых людей в стране, известный благотворитель и владелец множества отелей, сети супермаркетов «Муджизе» и коммерческих банков, разбросанных по всей Турции, сидел сейчас напротив инспектора. Хильми оторвался от протокола и посмотрел на Сезера. Тот казался спокойным, и это никак не укладывалось у инспектора в голове. Внешне Мехмед-Али Сезер выглядел чрезвычайно благородно. Ему никто не давал больше пятидесяти, и, несмотря на возраст, в его гладких черных волосах не было и намека на седину. Махмут Хильми знал этого человека с самого детства. Именно Сезер помог мальчику из бедной многодетной семьи выбиться в люди — как и многим другим детям! А теперь он, инспектор Хильми, обя-

зан выполнять свой долг, хотя это ему совершенно не нравится.

— Итак, эфенди, — невнятно пробормотал инспектор, протягивая Мехмеду-Али протокол. — Прочтите, пожалуйста, и распишитесь, если все правильно.

— Я тебе доверяю, сынок, — покачал головой Сезер, не притронувшись к бумагам. — К тому же у меня нет под рукой очков, так что...

— Хорошо, — вздохнул полицейский. — Тогда я прочитаю протокол вслух, а вы скажете, если что-то не так.

Сезер кивнул, и инспектор Хильми принялся зачитывать то, что записал с его слов.

— «Я, Мехмед-Али Сезер, вернувшись домой примерно в половине шестого вечера, застал ссору между моим сыном Барышем Сезером и внуком. Мой сын жестоко избивал внука, стоя на верхних ступенях лестницы. Невестка бросилась ко мне, умоляя прекратить избиение. Я не знал, из-за чего возникла ссора, но понимал, что должен остановить Барыша, пока он не нанес мальчику серьезных увечий. Я взбежал по лестнице и попытался оттащить сына от внука, но безуспешно. Тогда я схватил бейсбольную биты, валявшуюся там же, и замахнулся, намереваясь ударить сына по плечу. Но Барыш неожиданно развернулся, и удар пришелся в висок. Он пошатнулся и покатился вниз по лестнице. Во время падения Барыш несколько раз сильно ударился головой о ступеньки. Я бросился к нему, чтобы оказать помощь, но практически сразу понял, что он мертв. Тогда я вызвал полицию». Все ли верно, Мехмед-Али эфенди?

— Абсолютно, — согласно кивнул Сезер. — Где мне расписаться, Махмут, сынок?

Пот градом катился по спине инспектора, и он чувствовал, как рубашка неприятно липнет к телу. Что-то не вязалось в показаниях Сезера, но пока Хильми не мог понять, что именно.

За спиной Мехмеда-Али тенью маячила его невестка Фикрие-ханым. Она выглядела потрясенной и испуганной, но не плакала, а сидела на стуле, слегка покачиваясь. Фикрие-ханым, маленькая, не слишком привлекательная женщина, но тихая и домовитая, больше жизни любила своих детей, — семнадцатилетнего сына и десятилетнюю дочь Зюбейде. Также она боготворила своего красавца-мужа, который со временем собирался возглавить торгово-финансовую империю отца. Сегодня она стала вдовой, но пока, возможно, еще не осознавала этого.

Тяжелая дубовая дверь в прихожей распахнулась, и в дом словно ураган влетела высокая крупная женщина в коричневом деловом костюме. Ее густые черные волосы были собраны в пучок на затылке. С первой же минуты бросалось в глаза ее удивительное сходство с Мехмедом-Али. Инспектор знал, что это — Садыка Сезер, сестра-близнец и правая рука владельца сети «Муджизе».

— Что здесь происходит? — спросила она, хотя выражение ее лица говорило о том, что она уже все знает.

Как только прозвучал вопрос, Фикрие-ханым внезапно зашла в таком страшном вое, что все присутствующие в зале вздрогнули. Только не Садыка Сезер! Она сделала несколько шагов к невестке и сказала ледяным тоном:

— Замолчи немедленно, Фикрие!

В ее голосе ощущалось столько уверенности и властности, что женщина немедленно успокоилась. Она только смотрела на Садыку умоляющим взглядом, словно ища поддержки и утешения. Та мягко обняла вдову и, ласково поглаживая по спине, обратилась к инспектору:

— Ты видишь, Махмут, что сейчас не самое удобное время допрашивать мою невестку. Давай перенесем беседу на завтра, а я постараюсь к этому времени привести ее в порядок.

— Хорошо, Садыка-ханым, — согласился Хильми. Он мог бы и проигнорировать ее просьбу, но не видел для этого причин. Все вполне очевидно: несчастный случай при свидетеле — Фикрие-ханым. Конечно, надо бы еще взглянуть на отчет эксперта, но это, скорее всего, мало что изменит. Инспектор Хильми искренне сожалел, что такой человек, как Мехмед-Али Сезер, попал в столь неприятную историю. Он знал, что между отцом и сыном постоянно возникали трения на почве общего бизнеса, но вне его это не мешало их отношениям. Семья Сезер пользовалась славой дружной и благополучной. Хильми не мог даже представить, что должен был чувствовать Сезер-старший, став невольным виновником гибели собственного сына. Хорошо бы допросить и его внука, но мальчишка вряд ли сможет что-то добавить к показаниям деда. Ладно, все это вполне можно сделать и завтра, решил инспектор и, взяв со стола подписанный протокол, попрощался с хозяевами.

Идя по посыпанной гравием дорожке к воротам и вдыхая тонкий аромат благоухающих розовых кустов в саду, разбитом вокруг поместья Сезер, Махмут Хильми внезапно спиной почувствовал чей-то

взгляд. Он резко обернулся и увидел, что на втором этаже отодвинута занавеска. Инспектор не смог бы с уверенностью сказать, кто стоял у окна, потому что этот человек явно не хотел, чтобы Хильми его заметил. Пожав плечами, инспектор снова развернулся к воротам.

— Закрой окно, сынок, — приказал Мехмед-Али, входя в комнату внука. — Нам нужно подумать над тем, что ты будешь завтра говорить инспектору!

.....

2013 год, июль

С башни минарета донесся заунывный голос муэдзина. За окном темнело. Южная ночь наступает чрезвычайно быстро. Едва только небо слегка помрачнеет, и вот уже чернота окутывает город. Только это не та чернота, в которой ничего не разглядеть, как в северных широтах. Южная летняя ночь полна огней! В безоблачном небе сияет полная луна, окруженная драгоценными камнями — звездами, воздух наполнен запахами цветов, оживающих после дневной жары, а птицы, также почувствовавшие прохладу, томно заливаются на ветвях деревьев.

Когда-то и она была во власти этой красоты — звездных ночей, быстрых ярко-красных закатов, несмолкающих цикад и пьянящего запаха цветущих азалий. Теперь она ненавидела эти запахи и звуки.

В двери повернулся ключ: принесли ужин. Служанку она видела впервые — неудивительно! Муж время от времени менял слуг, чтобы они не успели войти с ней в более близкий контакт и помочь выбраться из запертых апартаментов. Большинство были курдами, и сохранить место в богатом доме было для них наивысшей ценностью. Служанка выглядела совсем молоденькой — наверное, лет четырнадцати. Она старалась смотреть в пол, хотя это не могло скрыть ее любопытства. Вкатив поднос с едой и несмело улыбнув-

шись, девушка стрельнула глазами в сторону пленницы и испарилась. Не забыв запереть дверь с внешней стороны.

На сервировочном столике стоял кофейник, от которого поднимался густой пар, а еще графин с водой и чашка с густыми сливками. Рядом располагались две глубокие розетки с розовым и инжирным вареньем и вазочка с рахат-лукумом. Под металлической крышкой оказался аппетитный омлет с ветчиной. Как обычно, она не нашла ножа и вилки среди приборов — служанка принесла только ложки. *Благоверный* обо всем позаботился. Она не могла воспользоваться приборами как оружием или как инструментами. Впрочем, в ее положении... Она погладила себя по округлившемуся животу. Предположим, удалось бы каким-то образом открыть деревянные ставни на окнах — что дальше? На восьмом месяце беременности вряд ли получится безопасно спуститься по простыням с четвертого этажа особняка! Но даже если бы у нее и вышло, то куда идти?

Единственными окнами, которые остались незаконченными, были те, что выходили во внутренний двор. Туда никогда никто не заходил, кроме слуг и домочадцев, поэтому нечего и думать о том, чтобы сбросить записку с просьбой о помощи какому-нибудь случайному посетителю. Гости заходят через главный вход. Если кто-то из них справляется о хозяйке, то неизменно получает один и тот же ответ: она отдыхает в Кушадасах, у родственников. Это никого не удивляет, ведь у семьи и вправду в Кушадасах проживает родня.

Могло создаться впечатление, что за будущей матерью сына хозяина ухаживают с любовью и заботой. Ей

отвели две прекрасные комнаты на верхнем этаже. В обеих стояли большие телевизоры с плоскими экранами, чтобы пленница могла хоть чем-то себя занять. Так что ей ничего другого не оставалось, кроме как с утра до вечера смотреть кабельное телевидение и с ужасом думать о том, что случится после того, как ребенок родится. Как назло, она обладает отменным здоровьем — никакого токсикоза или хотя бы другого малейшего недомогания не наблюдалось. В противном случае можно было бы попытаться настоять на поездке в больницу... Скорее всего, ей вообще не придется рожать в роддоме. Муж предупредил, что среди слуг есть прекрасная старушка, которая много лет работала повивальной бабкой. Так что побег из больницы исключается, и роды пройдут в особняке! За ее рационом питания тщательно следят, белье меняют каждый день, а также убирают комнаты, пылесосят и вытирают пыль. Кондиционер работает в оптимальном режиме, чтобы она и ее ребенок не испытывали дискомфорта. Мужу *нужен* этот ребенок. О том, что же случится с ней самой после родов, пленница старалась не думать.

2014 год, июнь. Санкт-Петербург

— Ну, и что вы думаете? — спросил капитан Фисуненко, когда эксперт, закончив с осмотром места происшествия, подошла к нему. Здоровенная бабища гордо носила имя Прасковья Павловна Капральская, но за глаза ее все называли другим именем, производным от фамилии — Капрал. Капрал отличалась тем, что, несмотря на необъятные габариты, носила только трикотажные платья и обожала драгоценности.

Муж ее, капитан торгового флота, постоянно привозил Капралу золотые цацки, и все сразу узнавали, когда он вернулся из рейса: в тот день на ней обязательно появлялась какая-нибудь дорогая безделушка. Но, помимо забавной стороны, у Прасковьи Павловны имелась и другая, профессиональная, и вот тут уж никому не пришло бы в голову смеяться. Капрал считалась одной из лучших спецов в своей области, и именно к ней обращались, когда иные эксперты не могли справиться с задачей. Капитану просто повезло, что Капрал здесь!

— Девять выстрелов с очень близкого расстояния, один в область паха, остальные в разные места, — спокойно ответила на вопрос эксперт, снимая перчатки. Фисуненко невольно обратил внимание на ее ногти — коротко подстриженные, красивой формы, покрытые ярко-алым лаком, резко контрастирующие с толстыми, короткими пальцами. Этот цвет притягивал взор, и капитан едва сумел оторвать взгляд от рук Капрала, проговорив:

— Про выстрелы я и так в курсе, скажите мне то, чего я не знаю!

— Пока ничего конкретного, — покачала головой Капрал. — Кроме того, что ни одно ранение не являлось летальным. Смерть наступила, скорее всего, от потери крови. Остальное выяснится при вскрытии.

Когда эксперт отошла, к Фисуненко тут же подскокил младший лейтенант Петр Гаврилов, который слышал весь разговор, стоя в сторонке.

— Что думаете, босс? — спросил он.

— Пойдем осмотрим повторно автомобиль, — вздохнул капитан, вытаскивая из кармана пачку «Примы». Младший лейтенант услужливо поднес к сигаре-

те шефа зажигалку. Сам он курил «Парламент» и не представлял, как шеф мог смолить такую гадость!

Машинка и вправду заслуживала того, чтобы взглянуть на нее еще разок. Это был кремовый «Ягуар». Хромированные части, начищенные до блеска, говорили о том, как тщательно покойный хозяин заботился о «железном коне». Таких автомобилей в последнее время в Питере развелось немало, хотя за границей лишь очень состоятельные люди могут позволить себе подобную роскошь. В основном это представители шоу-бизнеса, для которых эпатаж является стилем жизни. В целом же заграничные богачи предпочитают машины поскромнее, не так бросающиеся в глаза. Но Россия всегда жила на широкую ногу, и в ней, как говорится, встречают по одежке. В этом случае — по автомобилю. Хотя владелец роскошного «Ягуара», судя по внешности, вовсе не принадлежал к коренным жителям России.

Когда капитан со своей группой приехали на вызов, их взорам открылась следующая картина. Новенький «Ягуар» стоял на обочине Выборгского шоссе, а в нем, практически вывалившись наружу с переднего сиденья, находился мертвый человек. Его тело изрешетили выстрелами — неизвестный убийца выпустил в него всю обойму. Сейчас, глядя на залитый кровью салон машины, Фисуненко вспомнил слова эксперта о том, что водитель скончался от потери крови. Кроме выстрела в пах, были еще две пули, которые пришлось в правое плечо, одна — в шею, еще две — в область груди и две — в оба колена.

— Как в тире, — пробормотал капитан, обходя «Ягуар».

— Что? — переспросил Гаврилов.

— Убийца стрелял, как в тире, — ответил Фисуненко, взерошив светлые волосы на затылке. — Он ходил вокруг машины и стрелял спереди, справа и слева. Жертва не могла сбежать, ведь первый выстрел, возможно, пришелся в промежность...

— Боль, наверное, адская! — нервно сглотнул младший лейтенант.

— И крови — море, — кивнул капитан. — Убивали долго, а потом оставили умирать. Кстати, документы нашли какие-нибудь? — спросил он у Гаврилова.

— Ничего! Ни паспорта, ни водительских прав. Зря, при такой-то машине! Любой гибэдэдэшник мог остановить.

— Но, как видно, не остановил, — усмехнулся Фисуненко. Он вытащил мобильник и набрал номер.

— Машуня, радость моя, это Женя, — ласково сказал он в трубку. — Пробей-ка для меня одну тачку. Заметная такая, кремового цвета, практически новая. «Ягуар» с номерами...

Он вопросительно повернулся к Гаврилову, который продиктовал ему номера машины. Капитан дал отбой, а через несколько минут раздался звонок.

— Спасибо тебе, фея моя, — выслушав девушку и все записав в блокнот, сказал капитан. — С меня конфеты. Ты, кажется, «Рафаэлло» любишь?

Засунув трубку в карман, Фисуненко повернулся к младшему лейтенанту.

— «Ягуар» зарегистрирован на некого Тимура Муртузаевича Гаджиева, жителя Санкт-Петербурга. Надо бы нам сгонять по этому адресочку. Район шикарный, на Васильевском Острове.

— *Простой* «русский» человек, — вздохнул Гаврилов.

Дом, в котором проживал гражданин Гаджиев, был старой сталинской постройкой. Его давно не красили, и стены во многих местах облупились, но простоит он еще много десятков лет — умели строить при Отце Народов! Лифт отсутствовал. Вскарабкавшись по сравнительно чистой лестнице, на которой, правда, слегка пахло плесенью, Евгений позвонил в квартиру. Никто не отозвался. Гаврилов и Фисуненко поочередно давили на звонок, но безрезультатно. Тогда капитан позвонил в квартиру напротив. Подозрительно быстро раздался женский голос за дверью:

— Кто там?

Видимо, своими настойчивыми звонками они привлекли внимание соседки Гаджиева, и она уже некоторое время наблюдала за ними в дверной глазок.

— Полиция, мадам, — ответил майор, поднося удостоверение к глазку.

Дверь открылась, но цепочку женщина предусмотрительно не сняла. Еще раз внимательно изучив документы, она, наконец, удовлетворенно кивнула, давая понять, что теперь верит: перед ней не мазурики какие-нибудь, а настоящие работники органов правопорядка.

— Где ваш сосед, не знаете, случайно? — спросил Фисуненко.

— А кто ж его знает? — пожал плечами женщина. — Он редко бывает. Вообще-то, сосед он хороший, не могу пожаловаться: никого не водит, всегда один приезжает.

— На чем приезжает? — поинтересовался Гаврилов.

— Машина у него шикарная, — протянула соседка, восторженно закатывая глаза. — Вся блестит, большая такая!

— А скажите, — прервал женщину Фисуненко, — Гаджиев один проживал?

— Один, один, — закивала соседка. — А почему, собственно, вы все про него спрашиваете? — с опозданием удивилась она.

— Убили соседа вашего, — ляпнул Гаврилов и тут же прикусил язык, потому что капитан посмотрел на него таким ледяным взглядом, от которого у молодого опера кровь в жилах застыла.

— Мама дорогая! — воскликнула женщина, прикрыв рот рукой.

— Давай за ордером, Гаврилов, — сухо приказал Фисуненко.

— Товарищ капитан, пятница же, да и время уже...

— Что хочешь делай, — перебил Евгений, — но до вечера квартиру надо вскрыть! А я пока с гражданкой побеседую.

То ли от страха перед начальником, то ли от великого служебного рвения, Гаврилов управился с ордером в рекордные сроки: уже через два часа в кармане у Фисуненко лежал необходимый документ, а слесарь из домоуправления вскрывал сложный тройной замок, которым была оборудована дверь Гаджиева.

Когда дверь распахнулась, перед оперативниками и слесарем открылась поистине чарующая картина.

— Эрмитаж! — присвистнул Гаврилов, широко раскрыв глаза.

— Однозначно, — согласился пожилой слесарь, который отнюдь не выглядел человеком, часто посещающим музеи.

И в самом деле, квартира была отделана так, что ее фотографии вполне могли бы украшать обложку журнала «Интерьер». Она состояла из двух огромных ком-

нат и длинного коридора, вдоль стен которого висели светильники, отражаясь в зеркалах, отчего создавалось впечатление бесконечности пространства. Паркетный пол сиял. Войдя в большую комнату, первую по коридору, Фисуненко невольно задрал голову: на трехметровом потолке красовалась изумительная лепнина, подновленная, но оригинальная. Мебель в гостиной обтянута белой кожей, на стене — плазменная панель с системой «домашний кинотеатр». Другую стену занимал встроенный шкаф с раздвижными дверями. Открыв его, капитан увидел ряды дисков, выстроившихся на полках, словно солдаты. Некоторые из них находились в лицензионных коробках, другие — в чистых, неподписанных боксах, помеченных цифрами и непонятными значками.

— Загляни с ребятами в другую комнату, — приказал Фисуненко, — а я посмотрю кино. — Он снял с полки первую попавшуюся кассету без маркировки, вставил ее в видеомэгнитофон и уселся на белоснежный диван. С первых же кадров никаких сомнений в содержании кассеты не осталось: на кровати извивалась обнаженная девушка, а на ней восседал огромный волосатый мужик. Когда «гетера» в какой-то момент взглянула в камеру, капитан увидел абсолютно стеклянные глаза, в которых отсутствовало какое-либо выражение. Этот взгляд был хорошо ему знаком: так смотрят на мир только что ширнувшиеся торчки.

Проверив еще пару кассет, он встал и направился в соседнюю комнату, в которой шуровали ребята.

— Есть что-нибудь?

— Посмотрите, товарищ капитан, — ответил самый молодой оперативник, протягивая ему четыре паспорта. Фотография в каждом из них оказалась одна и

та же, гаджиевская, а вот имена разные. Один — на имя Сулейманова Тофика Ахмедовича, а два других — на граждан Турции Туфана Седата и Хакана Лютфи.

— Отлично! — похвалил Фисуненко. — А у тебя, Гаврилов?

— Вот, — гордо сказал тот, держа в руках два увесистых фотоальбома. — Девочки на любой вкус!

— У меня тоже — девочки, — сказал Фисуненко, быстро пролистывая один из альбомов. Внезапно его рука застыла в воздухе: с одной из фотографий улыбалась самая красивая женщина, какую капитан когда-либо видел. У нее были черные гладкие волосы, струящиеся по плечам, белоснежная кожа и мягкие полные губы. Из-под изогнутых бровей сияли ярко-голубые глаза.

— Хороша, да? — спросил младший лейтенант, и Фисуненко перевел дух. — Здесь такой цветник, — мама не горюй! Чем этот Гаджиев занимался?

— Догадайся с трех раз, — буркнул Фисуненко, хлопывая фотоальбом. — Значит так, — сказал он, обращаясь к ребятам, — упаковать вещдоки и доставить в отделение! А ты, Гаврилов, поедешь со мной: надо экспертов поторопить. Что-то подсказывает мне, что мы наступили в... Короче, запашок пойдет по всему Питеру, или я — это не я!

Рита швырнула сумочку на диван, а сама плюхнулась в свое вертящееся кожаное кресло.

В офисе никого не было: Света отправилась по делам фирмы в банк, и Рита разрешила ей не возвращаться на работу, а Кира парился на практике.

Стрелки часов показывали без четверти восемь, и Рита подумала о том, что пора закрывать офис и от-

правляться домой. До этого, правда, не мешало бы выпить чашечку кофе. Она встала и подошла к кофеварке, готовящей изумительный эспрессо. Машинка была приобретена усилиями Светы: девушка считала, что на рабочем месте человек должен чувствовать себя так же уютно, как дома. Рита заправила кофеварку и вновь уселась в ожидании, как вдруг по внутренней связи раздался голос охранника:

— Маргарита Григорьевна, к вам тут пришли. Я сказал, что уже поздно, но они очень просят.

— Хорошо, пропустите, — вздохнула Рита. Похоже, кофепитие придется отложить.

Через несколько минут в дверь робко постучали. Обычно клиенты вели себя более уверенно, ведь они в основном люди состоятельные и глубоко убежденные в том, что весь мир работает на них.

— Войдите, — пригласила Рита, и на пороге возникли пожилая женщина и молодой человек — скорее мальчик лет шестнадцати. Женщина выглядела лет на пятьдесят. Одета скромно, если не сказать — бедно: костюм явно куплен на рынке, а туфли знавали лучшие времена лет эдак десять назад. В руках посетительница нервно теребила старенький ридикюльчик. На мальчике красовались поношенные джинсы, клетчатая рубашка и поношенный пиджак. Было очевидно, что он надел *самое лучшее* для выхода «в присутственное место».

— Присаживайтесь, — пригласила Рита. Она вдруг испытала острое чувство вины. Эти люди пришли в шикарный офис, увидели прекрасную обстановку и, наверное, почувствовали себя подавленными. Женщина приняла приглашение и опустилась в кресло напротив стола, а мальчик встал за ее спиной, хотя в поме-

щении было достаточно сидячих мест. Этот жест говорит о желании защитить, машинально подумала Рита.

— Кофе? — доброжелательно спросила она, пытаюсь наладить контакт. Краем уха она услышала, как фырчит кофеварка.

Женщина несмело кивнула. Рита вопросительно взглянула на молодого человека, но он покачал головой. Она налила две чашки, села напротив своих гостей и, ободряюще улыбнувшись, поинтересовалась:

— Чем могу помочь?

— Понимаете, — начала посетительница, — мы обращались в полицию, но там нам не смогли помочь. Потом ходили по разным агентствам, но они тоже отказали... Скажите, пожалуйста, сколько стоят ваши услуги?

Обычно Ритины клиенты такого вопроса не задавали. Ее прејскурант этим людям явно не по карману. Тем не менее она решила не отпугивать сразу, а сперва выяснить, что именно им нужно. В конце концов, от голода она не умирает и, возможно, сумеет что-то сделать для людей, которым действительно нужна помощь. Пусть это даже будет актом благотворительности. Байрамов, например, очень гордится тем, что два раза в месяц предоставляет бесплатные места в своем театре для инвалидов и пенсионеров. Конечно, достать эти билеты сложно, но настоящие балетоманы не жалуются. Почему бы и Рите не пойти по стопам благоверного? По этой причине она дала следующий ответ:

— Видите ли, это зависит от перечня предоставляемых услуг. Для начала я должна узнать, что у вас за проблема, а потом мы посчитаем, в какую сумму обойдется ее решение.

— В некоторых местах с нами даже разговаривать не стали, — впервые подал голос мальчик. — Не похожи мы на толстосумов!

— Извините моего сына, пожалуйста! — быстро сказала женщина.

— Я понимаю, — кивнула Рита. — Давайте познакомимся. Меня зовут Маргарита Григорьевна Синявская, я владелица и генеральный директор детективного агентства «Проводник». А вы?

— Я — Тамара Мефодьевна Артюхова, а это — мой сын Вадик. А проблема у нас очень серьезная!

— Для того мы и существуем, — успокаивающе заметила Рита. — Для решения серьезных проблем.

— Так вот, — продолжила Тамара Мефодьевна, прижав обе ладони к горячим бокам чашки с кофе, — у меня пропала дочь.

— Сколько ей лет? — задала вопрос Рита.

— Двадцать пять.

Это меняло дело. Теперь ясно, почему в полиции отказались принимать заявление: двадцать пять лет — вполне сознательный возраст, а лишние висяки никому не нужны. В конце концов, взрослая девица могла отправиться куда угодно, даже в другой город, не спросив разрешения у мамы!

— Только вы не подумайте, что я зря волнуюсь, — словно прочитав мысли Риты, вновь заговорила потенциальная клиентка. — В полиции мне тоже задали этот вопрос. Узнав, что Наденьке двадцать пять, они только посмеялись и сказали, что мне давно пора позволить дочери жить самостоятельной жизнью. Но дело в том, что я ей никогда и не препятствовала! Надя — домашняя девочка. Она никогда не бегала на танцульки, как ее подружки, не искала приключений. Она

прекрасно училась в школе, потом — в педагогическом университете. Наденька мечтала стать учительницей и работать с детьми, но после двух лет в школе поняла, что невозможно существовать на мизерную зарплату, а работа ведь тяжелая и ответственная... Я знаю об этом не понаслышке, сама тружусь уже тридцать лет в одной и той же школе, преподаю географию. Но Наде повезло: она нашла работу секретаря-референта в крупной фирме, стала приносить домой хорошую зарплату. Начальник, очень приличный человек, ценил ее за исполнительность, часто выписывал премии, так что мы никогда не жили так хорошо! Но Наденька по-прежнему предпочитала проводить свободное время дома.

В прошлом году она впервые решилась-таки оторваться от семьи и съездить в отпуск в Турцию. Звонила оттуда каждый день и была в полном восторге. Раньше Надя за границу не ездила, да разве могла она — с ее прежней зарплатой! — даже подумать об этом! Там было, по ее словам, тепло, красиво, люди все доброжелательные, в общем, дочка казалась абсолютно счастливой. Две недели пролетели быстро, и мы с нетерпением ожидали ее возвращения, как вдруг она неожиданно сообщила, что хочет остаться в Мармарисе еще на три недели. Мы были в шоке: как, на какие деньги, и что же делать с работой, ведь у нее ограниченный отпуск?! Надя успокоила меня, сказав, что это не имеет значения, так как она встретила замечательного человека, за которого собирается замуж! Я, естественно, забеспокоилась еще больше. Моя Надя, которая никогда раньше не встречалась с молодыми людьми, познакомилась с *турком* и собиралась жить с ним в *Турции*! Меня утешало лишь то, что она

пообещала привезти жениха в Питер, чтобы познакомиться с семьей.

Признаться, я очень удивилась, увидев молодого человека. Мне почему-то думалось, что это будет какой-то дикарь, весь черный и усатый, как басмачи в советских фильмах. Но все оказалось не так. Кенан, Наденькин жених, оказался очень красивым и милым молодым человеком. За те несколько недель, что они с моей дочкой провели вместе, он сумел выучить несколько фраз на русском языке, чтобы сделать нам приятное. Выяснилось, что он богат, и его семье принадлежат гостиницы и рестораны по всей Турции. Кроме того, он так относился к Наденьке, так баловал ее, что совершенно очаровал и меня, и сына! В первый же день он подарил нам подарки, которые привез из Турции. Мне — дорогущую кашемировую шаль, а Вадиду — золотые часы!

Они пробыли здесь две недели. Все это время Надя гуляла с Кенаном по Питеру, водила его в музеи и театры. Ему все очень нравилось, но настало время возвращаться. Кенан должен был получить разрешение на брак. Вообще-то это занимает длительное время, но он как-то обмолвился, что у него на родине, как и в России, за деньги можно сильно ускорить бумажную волокиту. Надя оставалась дома, пока ее жених улаживал дела в Турции. Наконец, он прислал билеты для всей семьи, и мы вылетели в Даламан. Там нас встретили и отвезли в отель на побережье Эгейского моря, принадлежащий семье Кенана. Именно там планировались свадебные торжества, после чего молодые собирались на медовый месяц в Европу. Все было очень шикарно, я даже представить себе не могла, что моя дочь будет выходить замуж в подобной обстановке!

Мы с Вадиком чувствовали себя немного неуютно, так как не знали языка и не могли свободно общаться с окружающими. Правда, надо отдать должное семье Кенана, — они постарались сделать все, чтобы нам было удобно и комфортно. Кроме того, Наденька выглядела такой счастливой, что я не могла даже подумать о чем-то плохом!

Мы вернулись домой. Поначалу дочка звонила часто — чуть ли не каждый день. Потом звонки стали реже, а после и вовсе прекратились. Сама я не могла ее разыскать, так как она еще не дала мне телефонный номер своего нового дома. Именно тогда я поняла, что практически ничего не знаю о своем зяте! Свадьба проходила в отеле, так что звонить туда не имело смысла: там никто не говорил по-русски. Ни адреса, ни телефонов родственников Кенана у меня не было. Это теперь я понимаю, какую страшную ошибку совершила, но тогда мне казалось, что все просто замечательно! Разве я могла не доверять людям с такими деньгами и положением, которые приняли Надю в свою семью, как родную? Я места себе не находила, но месяца через два дочка внезапно позвонила. У нее был счастливый голос, и она объявила, что ждет ребенка. Наденька уверяла, что у нее все прекрасно, а не звонила она только потому, что была слишком занята переездом и обустройством быта в новом доме. На этот раз я заставила ее дать мне свой новый телефон. Получив его, я немного успокоилась. Я спросила дочь, не нужно ли мне приехать, ведь у нее такой ответственный период в жизни, а я могла бы помочь ей. Надя отказалась. Она сказала, что за ней прекрасный уход, муж носит ее на руках, и все семейство ждет не дождется

появления на свет ребенка. В тот раз я разговаривала с дочерью в последний раз.

— Сколько же времени прошло с момента той беседы? — спросила Рита.

— Год.

Рита видела, что женщина находится на грани истерики, поэтому поспешила задать следующий вопрос:

— Вы пытались сами связаться с Надей?

— Конечно, много раз! — воскликнула Тамара Мефодьевна. — Я без конца названивала ей домой, но к телефону подходили какие-то люди, с которыми я не могла объясниться: я не понимала, что говорят они, а они не понимали меня! Тогда я обратилась в полицию, но там, узнав, в чем дело, отказались мне помочь и переадресовали к генеральному консулу Турции в Москве. Я добилась встречи с ним. Консул выслушал меня очень вежливо и пообещал навести справки. Через некоторое время я получила ответ по почте. Консул писал, что выяснил обстоятельства дела и пришел к выводу, что я волнуюсь напрасно. Семья, членом которой стала моя дочь, одна из самых уважаемых в Турции, поэтому ничего криминального с Надей случиться не могло. Тот же факт, что она не выходит со мной в контакт, может быть объяснен проблемами в наших с ней отношениях, а это — дело сугубо личное и никто не имеет права вмешиваться в частную жизнь. Но я-то знаю, что у нас с дочерью не было *никаких* проблем! Я связалась с российским посольством в Анкаре. Там мне сказали то же самое, что и турецкий генеральный консул, только в гораздо менее вежливых выражениях!

Я была в отчаянии! Я бы поехала туда сама, но ведь даже не представляю, куда ехать! Не зная языка, совершенно не ориентируясь в чужой стране, как я могла

надеяться разыскать мою дочь? Да и для такого дела, подозреваю, требуются большие финансовые средства, а мы... Мы с сыном ходили в полицию, как на работу. Я встречалась с кучей полицейских начальников, но они только разводили руками. Говорили, что Надю не похитили, она вышла замуж за состоятельного человека, поэтому нет состава преступления, и они ничем не могут помочь. Наконец, одному из них, видимо, надоело видеть мое лицо так часто, и он посоветовал обратиться в частное сыскное агентство. Я ухватилась за эту идею, и начались наши с Вадиком хождения по детективным бюро. В некоторых местах нам сразу же предъявляли прејскурант, даже не потрудившись вникнуть в ситуацию, в других — все-таки выслушивали, но, как только узнавали, что дело имеет международный характер, тут же отказывались за него приниматься! Я понимаю, у нас не так много денег, чтобы соответствовать расценкам в частных детективных агентствах, но кто-то должен нам помочь? Не могу я жить спокойно, не зная ничего о своей дочери, разве это так трудно понять?! — Тамара Мефодьевна, не имея больше сил сдерживаться, горько разрыдалась. Вадик принялся утешать мать. Рита вскочила и, налив в стакан воды, протянула его женщине. Та отпила несколько глотков.

— Простите меня, ради бога, — всхлинула она. — Просто я так устала... У меня есть три тысячи долларов, — сказала она и полезла в сумочку, прежде чем Рита успела ее остановить. Клиентка вытащила белый конверт. Ее руки дрожали, и Тамара Мефодьевна, не удержав его, уронила на стол. Из конверта вывалилась увесистая пачка денег. Она выглядела толстой, потому что в ней были купюры по двадцать, десять или даже пять долларов. Рита заметила, что там присутствовали

и однодолларовые банкноты. Видимо, Тамара Мефодьевна собирала эту сумму долгое время, обменивая на валюту каждую свободную копейку.

— Я понимаю, это очень мало, но я расплачусь постепенно! — сказала она. — У меня не очень большая зарплата, но у нас с Вадиком хорошая двухкомнатная квартира. Если понадобится, я продам ее... Пожалуйста, помогите мне, я не знаю, к кому еще обратиться!

Рита прекрасно сознавала, что из жалких трех тысяч две, если не больше, уйдут на одни только накладные расходы. Кроме того, она раньше не занималась подобными делами и даже не представляла, с какого конца за них браться. Одно дело разыскивать человека на своей территории, другое — в стране, где, помимо прочих проблем, непременно возникнет еще и языковая, и культурная, и бог знает еще какие... Да и дома дела идут не лучшим образом, поэтому вряд ли было бы так уж мудро уезжать куда-то по работе прямо сейчас!

Агентство занимало все свободное время Риты. Любое новое дело требует не только материальных вложений, но и огромного труда: чтобы поставить бизнес на колеса и сделать его прибыльным, необходимо много сил и терпения. Она засиживалась в офисе допоздна и часто возвращалась домой, когда Игорь уже крепко спал. Он уходил в театр раньше, чем она просыпалась, поэтому зачастую их общение сводилось к телефонным разговорам. Игорь никогда не высказывал недовольства открыто, но Рита не могла не замечать, как такая ситуация его раздражает. Несколько дней назад он все-таки вызвал ее на откровенный разговор. Байрамов сказал, что так больше продолжаться не может: иметь жену-фантом, чье присутствие в доме практически не заметно, его больше не устраивает. Игорь заста-

вил Риту пообещать, что отныне все изменится. Он сказал, что откажется от запланированных на ближайшее время гастролей, чтобы они смогли побыть вместе, но и ей придется чем-то пожертвовать и не набирать кучу заказов на работе. Так что ни о какой поездке в Турцию нечего и думать! Но Рита просто не могла отправить Тамару Мефодьевну с сыном восвояси.

— Знаете, — сказала она наконец, — я никогда не имела дело с заграничным розыском. Кроме того, у меня нет возможности сейчас уехать из города. Но вы не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю. Оставьте свой телефон, пожалуйста. У меня в городе много знакомств, в том числе и среди руководителей детективных агентств. Я не могу ничего обещать наверняка, но попытаюсь помочь.

— Спасибо вам, — вздохнула Тамара Мефодьевна, записывая номер своего телефона на бумажке.

Выходя из офиса, она обернулась на пороге.

— Только не забудьте, пожалуйста, о нас, — умоляюще сказала она. — Вы — наша последняя надежда!

Когда дверь закрылась, Рита поежилась: ужасно осознавать, что ты являешься для кого-то *последней* спасительной соломинкой, за которую хватаются в самом крайнем случае!

Она взглянула на большие настенные часы: без четверти девять. Прежде чем отправиться домой, Рита решила прослушать автоответчик — вдруг там что-то важное. Две первые записи касались клиентов. Один просил перенести назначенную на завтра встречу, другая хотела увериться, что их с Ритой договоренность остается в силе. А потом она услышала голос Байрамова:

— Привет, почему твой мобильник не отвечает? Ты помнишь, что у нас сегодня годовщина свадьбы и мы идем в ресторан?

Рита похолодела. Она совершенно забыла об этом, а ведь они с Игорем целую неделю обсуждали, как и где будут справлять годовщину!

— Эй, ты все еще где-то бегаешь? — пошла следующая запись с голосом мужа. — Я уже дома. Вернулся пораньше, чтобы успеть одеться. Столик заказан, так что все путем. Позвони.

На последней записи в голосе Игоря звенел металл:

— Уже восемь часов. Я так понимаю, мы никуда не идем.

Это последнее, что записал автоответчик. Рита схватила сумочку и кинулась к выходу. Конечно, они уже не успеют на ужин, но, может быть, ей еще удастся реабилитироваться перед мужем?

Но добраться до дома быстро не удалось: на Московском проспекте, как обычно, была страшная пробка, и Рита простояла в ней больше часа, нервно грызя ногти.

Когда она, наконец, ворвалась в квартиру, в ней было темно. Мать, помня об их с Игорем знаменательном событии, решила оставить супругов одних и отправилась к сыну в Токсово. Ее тактичность оказалась напрасной: Рита опять все испортила!

Она прошла на кухню, втайне надеясь увидеть на столе какую-нибудь записочку от Байрамова, но ничего не обнаружила. Он ушел, не имея намерения ставить ее в известность о том, куда отправился. В принципе, у него имелись все основания обижаться!

До трех часов ночи Рита прослонялась по квартире, а потом, так как ждать уже не имело смысла, пошла в постель.

Проснувшись на следующее утро, Рита обнаружила, что уже почти двенадцать дня: она забыла завести будильник, находясь в расстроенных чувствах. В два

часа у нее встреча с бывшей супругой банкира, желающей выяснить, получила ли она после развода все, что ей причиталось по решению суда, или благоверный скрыл часть доходов, на которые она претендовала.

Байрамов дома не появлялся. Рита не очень беспокоилась на этот счет: когда они ссорились, он обычно проводил ночь, а то и две у своих приятелей или в театре. Она знала, что звонить бесполезно: к телефону обиженный Игорь все равно не подойдет. Так что оставалось ждать, пока он успокоится и сам пойдет на мировую.

Рита надела строгий коричневый костюм и, крутясь перед зеркалом в прихожей, думала о том, стоит ли его освежить каким-нибудь расписанным вручную шелковым шарфиком, которых Игорь несколько месяцев назад привез с гастролей по Японии штук двадцать, как вдруг раздался звонок в дверь. Сначала у нее мелькнула мысль, что вернулся Байрамов, но потом Рита поняла, что у него есть свой собственный ключ, и он не стал бы звонить. Кроме того, в это время в театре репетиция должна быть в самом разгаре.

Увидев на пороге молодую девушку, Рита удивилась: она никогда раньше ее не видела. Девушка была высокого роста, хотя и пониже Риты, и очень тоненькой, словно египетская статуэтка. Легкое белое платье красиво подчеркивало изящную фигурку. Волосы незнакомки, светло-каштановые и вьющиеся, игриво обрамляли личико-сердечко. Словом, она выглядела как супермодель, сошедшая с обложки глянцевого журнала.

— Вы — Рита? — спросила незнакомка.

— Совершенно верно, — ответила та, не понимая, откуда это сказочное существо может ее знать.

— Странно, — задумчиво протянула «супермодель». — Вы очень даже... — она не закончила фразу, и

Рита не поняла, что она хотела этим сказать. — Можно войти, а то неудобно разговаривать на лестнице?

Рита отступила, чтобы неожиданная гостья смогла пройти в квартиру. Она провела ее в гостиную и предложила присесть.

— Итак, о чем вы хотели побеседовать? — спросила Рита. — Извините, у меня мало времени. Если это касается агентства, то лучше назначать встречу заранее...

— Нет-нет, — взмахнула рукой незнакомка. Этот жест выглядел потрясающе грациозно. — Дело совершенно в другом. Я пришла поговорить об Игоре.

— Об... Игоре?

— О вашем муже, — уточнила девушка, словно Рита могла предположить, что речь идет о другом Игоре. — Мы с ним встречаемся!

Рита ожидала чего угодно, но только не этого: только что ей прямо и без обиняков заявили, что Байрамов ходит налево!

— Честно говоря, я немного удивилась, когда вас увидела, — продолжала незнакомка. — Не думала, что у Игоря такая красивая жена. Конечно, у нас с вами довольно большая разница в возрасте, да ведь и он моложе вас... Если не ошибаюсь, лет на пять, верно?

Рита была так ошеломлена наглостью девицы, что смогла лишь тупо кивнуть. Этой «диве» было, вероятно, лет двадцать, так что разница в возрасте и в самом деле казалась внушительной!

— Признайтесь, что в вашей семейной жизни не все гладко, Рита, — продолжала гостья тоном психотерапевта, разговаривающего с больным-шизофреником. На ее лице при этом появилось участливое выражение. — Вы знакомы много лет, и у вас много общего. Вы вместе пережили тяжелые времена, но,

согласитесь, глупо строить отношения только на этом!

— Простите, — у Риты с языка едва не сорвалось слово «доктор», но она вовремя осеклась, — а на чем же еще строить отношения?

— На сексе, — мило улыбнулась «фея». — Вы с Игорем так редко видите, что удивительно, как еще помните друг друга в лицо! А мы вместе работаем каждый день.

Теперь Рита вспомнила эту девицу — видела ее на премьере «Восхода бога Ра», нового байрамовского балета. Она была в гриме, поэтому Рита не сразу ее и узнала! Байрамов говорил, что взял на главную женскую роль новую балерину, так как их прима ушла в декрет, но Рита, как всегда, занятая собственными делами, не обратила особого внимания на его слова. Сама она не появлялась в театре «Гелиос» уже давненько, ведя все дела по телефону и по Интернету, поэтому понятия не имела, что происходит в труппе. А стоило, как выясняется, наведаться!

— Так вот, — говорила между тем балерина, — я знаю, как Игорь вас уважает. Наверное, в глубине души он все еще вас любит, поэтому не скажет того, что могу сказать я. Зачем жить вместе и делать вид, что у вас все замечательно, не лучше ли расстаться друзьями? Вы только не подумайте, что мне было легко прийти сюда! Я страшно боялась, ведь Игорь и понятия не имеет, что я собиралась это сделать, но я не могла иначе. Больше так продолжаться не может: мне надоело скрываться и обманывать. Для вас главное — работа, а для меня — Игорь. Я даже согласна бросить танцевать, рожать ему детей и обеспечивать быт, если он захочет.

Рита слушала молча и с каждой минутой чувствовала себя все хуже.

— Послушайте... — начала она и запнулась, сообщив, что даже не знает имени своей соперницы.

— Лариса, — услужливо подсказала та.

— Послушайте, Лариса, я думаю, что наша беседа затянулась. Я говорила вам, что спешу на встречу, поэтому мы на этом и закончим. В наших с мужем отношениях мы разберемся без посторонней помощи, поэтому...

— Да-да, конечно, — заторопилась Лариса, вскакивая со стула. — Я понимаю, что расстроила вас, но это, к сожалению, неизбежно. Простите меня.

В этом «простите меня» Рита уловила такое превосходство, что ей стало невыносимо дольше смотреть на эту безупречно красивую девушку, которая спит с *ее*, черт возьми, мужем! Поэтому она почувствовала огромное облегчение, когда с треском захлопнула за ней дверь. Если бы Рита могла отменить встречу с женой банкира, то сделала бы это, не задумываясь, а потом отправилась бы в ближайший бар и наклюкалась до потери пульса! Но она не могла этого себе позволить из-за гипертрофированного чувства ответственности. Может, Лариса в чем-то права, и любимое дело для Риты важнее, чем отношения с Байрамовым? Но почему же тогда ей так больно?

Капитан Фисуненко крутил в руках результаты экспертизы, то сворачивая листки в рулон, то вновь распрямляя.

— Будет больше пользы, если ты все-таки прочитаешь, — заметила Капрал, изгибая дугой тонко выщипанные брови. Несмотря на размеры и возраст, ее ли-

цо было гладким, как у пластмассового пупса, и широко раскрытые голубые глаза лишь усиливали сходство. Несмотря на давнее знакомство, он так и не сумел заставить себя перейти с экспертом на «ты», но она словно бы не замечала этого факта и перешла в одностороннем порядке. Возможно, дело в его внешности? Евгению перевалило за тридцать пять, однако по-мальчишески открытое, круглое лицо и веснушки на курносом носу частенько вводили людей в заблуждение в отношении его реального возраста. С другой стороны, Капраловой за пятьдесят, и она имеет право на некоторую фамильярность.

— У меня проблемы с чтением, — отмахнулся Фисуненко. — Расскажите на словах, лады?

— Все так же любишь разыгрывать из себя Шерлока Холмса! — усмехнулась эксперт. — Дедукция и прочая ерунда, вместо того, чтобы довериться науке... Ладно, вываливай свои догадки.

— Итак, — начал капитан, откладывая отчет в сторону. — О чем говорит характер ранений, нанесенных жертве? Гаврилов убежден, что речь идет об очередной бандитской разборке. Точно так же считают и «наверху», поскольку им выгодно списать все на это. Особенно потому, что наш господин Гаджиев, как выяснилось, личность известная в криминальных кругах.

— Может, это и разборка, — вставила эксперт, — только мне так не кажется. На теле обнаружены раны диаметром два-четыре сантиметра с неровными фестончатыми краями. Это говорит о том, что выстрелы произведены с расстояния не более метра. Стреляли из пистолета малого калибра, что совершенно не характерно для бандитов, которые делят сферы влияния.

— Верно, — согласился капитан. — Эти предпочитают автоматную очередь или, на крайняк, крупнокалиберное оружие вроде «ТТ».

— Кроме того, — продолжала Капрал, — интересно, что первое ранение произведено в область паха, правда? Это невероятно болезненно, но не смертельно. Кровопотеря большая, жертва обездвижена, но жива и прекрасно осознает происходящее!

— Убийца, похоже, разрядил в Гаджиева всю обойму, — заметил Фисуненко.

— Причем угол выстрела все время менялся, — подхватила эксперт. — Он ходил вокруг автомобиля и стрелял так, чтобы не убить, а причинить как можно больше страданий. Когда наш стрелок ушел, Гаджиев был жив еще около получаса. Ваше заключение, товарищ следователь?

— Кто-то был *очень-очень* зол на убитого, — проворчал капитан.

Выйдя от Капрала, Фисуненко позвонил Гаврилову. Тот с утра пытался разыскать девушек, фотографии которых обнаружили в вещах убитого Гаджиева. Они договорились о встрече у метро «Сенная площадь».

Когда капитан подъехал на своем стареньком автомобиле, Гаврилов уже стоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, и уплетал пирожок из тех, что Фисуненко называл «собачья радость». Его пес обожал как раз такие мучные изделия, испеченные с нарушением всех правил кулинарии и санитарии.

— Пойдем, Гаврилов, поедим по-человечески, — вздохнул Евгений, глядя на молодого человека. Миша Гаврилов имел рост сто девяносто восемь сантиметров, при этом был худым, как бамбук, и постоянно испытывал чувство голода. Родители младшего лейте-

нанта Гаврилова проживали в Ростовской области, а сам он обретался на съемной квартире, за которую отдавал львиную долю зарплаты. Парень был лишен вкусных домашних обедов, которые готовила мать. Раз в месяц родители присылали сыну большую посылку с домашними заготовками и колбасами, собственноручно приготовленными отцом Миши. Тогда у Гаврилова наступал настоящий праздник. И не у него одного: несколько дней гулял весь отдел, где в основном работали либо холостые, либо разведенные мужики.

Фисуненко привел младшего лейтенанта в свое любимое кафе «Кошкин дом»: по крайней мере, здесь можно быть уверенным, что мясо в пирожках не мяукало еще пять минут назад!

Дождавшись, пока парень утолит первый голод, капитан спросил:

— Ну, что ты нарыл?

— В общем, — начал тот, с трудом прожевывая огромный кусок рыбного расстегая, — сходил я по восьми адресочкам, которые нашел в альбоме на обратной стороне фоток. Двух девушек дома не застал: одна выехала на ПМЖ в Грецию примерно месяц назад, другая вернулась домой, в Тамбов. Еще одна вышла замуж и не пожелала говорить о Гаджиеве. А вот про остальных никто из домашних не слышал с прошлой осени.

— Интересный расклад! — хмыкнул Фисуненко. — И почему это я не удивляюсь?

— Вот так, — вздохнул Гаврилов, с тоской глядя на остывающие пирожки. Фисуненко видел, что он ждет не дождется, когда можно будет их «добить». — Кстати, помните, мы нашли в квартире у Гаджиева не-

сколько паспортов на турецких граждан? Те девушки, которые пропали прошлой осенью, все без исключения, отправились в Турцию на заработки.

Фисуненко ненадолго задумался.

— Как, говоришь, зовут девицу, которая не захотела с тобой разговаривать?

Гаврилов полез за пазуху и вытащил оттуда потрепанный блокнот.

— Сейчас... Вот: Федорова Марина Леонидовна. По мужу — Болдырева.

— Давай, дожмай свои калории, и едем, — командовал капитан. — Будешь учиться у старшего товарища, как надо выжимать информацию из свидетеля-отказника!

Дверь открыла симпатичная шатенка лет тридцати в домашнем платье, аккуратно причесанная и без малейших признаков макияжа. Собственно, оно и понятно: редко встретишь женщину, которая накладывает косметику, находясь дома и не ожидая прихода гостей. Только опытный глаз Фисуненко трудно обмануть: хоть девица и изменилась, он вспомнил ее лицо. Капитан видел его раньше, в одном из фотоальбомов Гаджиева, обнаруженных при обыске квартиры убитого. Тогда она была яркой блондинкой с длинными волосами.

— Марина Леонидовна? — поинтересовался Фисуненко в ответ на подозрительно-вопросительный взгляд молодой женщины. Тут она заметила за его спиной Гаврилова, и ее лицо тут же приобрело суровое выражение.

— Я не желаю разговаривать! — рявкнула хозяйка квартиры и попыталась захлопнуть дверь, но капитан успел протиснуться в прихожую.

— Если ваш муж дома, — сказал он, — мы зайдем попозже. Если же нет, то в ваших интересах, Марина Леонидовна, поболтать с нами по душам, потому что в противном случае мы вызовем вас повесткой и просто не сможем скрыть от вашего супруга, чем занималась его благоверная буквально еще год назад!

Женщина заметно побледнела и отступила в сторону, пропуская сыскарей в квартиру. Гаврилов подивился, как быстро шеф сумел найти подход к свидетельнице.

Квартирка оказалась небольшой, но ухоженной. Марина Леонидовна провела мужчин в гостиную и предложила им расположиться на диване. Сама она опустилась в глубокое кресло и сцепила руки на коленях.

— Что вы хотите знать? — тихо спросила она, потому что Фисуненко молча осматривался и не спешил начинать разговор.

— Что ж, — сказал он, — как вы уже знаете от моего коллеги, — он кивнул в сторону Гаврилова, — ваш приятель Гаджиев вчера был найден убитым...

— Не смейте называть его моим приятелем! — воскликнула женщина, с вызовом глядя на майора. — Это не человек, а настоящая сволочь! Вы же ничего, ничего не знаете!

— Так расскажите, — согласился Фисуненко, откидываясь на спинку дивана. — Мы за этим к вам и пришли!

Марина Федорова родилась в небольшом городке под Москвой. С одной стороны, вроде бы столица близко, с другой — еще больше чувствовалась разница в уровне жизни. Марина всей душой стремилась в Москву. Несколько раз ей удалось съездить туда с классом во время каникул, и она была потрясена размахом

столичной жизни. Ее не интересовали Третьяковская галерея и Царь-пушка: Марина широко открытыми глазами пожирала витрины московских магазинов!

После окончания школы она устроилась работать на птицефабрику. Девушка ненавидела свою работу, но делать ничего не умела, поэтому мечтать о лучшей жизни не приходилось. Ее мать, которая воспитывала Марину и ее младшую сестру одна, служила на железной дороге и получала мизерную зарплату. Она считала, что ее старшенькая очень даже неплохо устроилась, так как получала в два раза больше матери!

Однажды в одной из столичных газет девушка обнаружила объявление следующего содержания: «Требуются девушки от семнадцати до двадцати пяти лет для работы в танцевальных клубах за рубежом. Опыт не обязателен. Возможно обучение». И Марина ухватилась за этот шанс. По возрасту она как раз подходила, а опыт работы, как гласило объявление, значения не имел! Кроме того, впереди маячило вожделенное слово «заграница». Никто из ее городка не уезжал дальше Москвы, и Марина уже представляла себе, как ей рукоплещут клубы Европы и Америки!

Девушка уволилась с фабрики, собрала нехитрые пожитки и, получив благословение матери, укатила в столицу. Она разыскала офис, адрес которого указывался в объявлении. Правда, немного смущало то, что он находился на окраине Москвы в здании, которое выглядело довольно ветхим. Но встретили ее приветливо. Молодой человек приятной наружности, представившийся Борисом, подтвердил, что все, написанное в объявлении, — чистая правда, и что Марина им идеально подходит. Он сказал, что им нужны девушки славянской наружности, так как выступать предстоит

в восточных странах. От перечисления названий этих самых стран у Марины закружилась голова: Эмираты, Тунис, Турция, Египет, Греция... Правда, продолжал Борис, обучение проводится не в Москве, а прямо на месте, и оно не бесплатно, как и отправка в страну, где Марине предстояло работать. Кроме всего прочего, пока она не получит первую зарплату, фирме, которая ее наняла в лице Бориса, придется платить и за ее проживание и питание. Поэтому в контракте указана сумма, которую девушка должна выплатить организации за предоставленный «кредит». При виде цифр Марина потеряла дар речи, но Борис рассмеялся, заверив, что ее ежемесячная зарплата будет такой высокой, что данная сумма покажется ей смешной, и она выплатит ее быстро. Борис тут же предложил подписать контракт.

— Понимаете, — говорила Марина капитану, — я слышала слово «контракт» только в кино и понятия не имела, как он должен выглядеть. Мне понравилось, что он короткий и не пришлось тратить много времени, чтобы с ним ознакомиться. Я и представить не могла, что попала в полную зависимость от этой «фирмы», и с момента подписания контракта уже должна им огромную сумму и проценты, которые постоянно растут!

Через две недели Марину снова пригласили в офис. Она узнала, что все документы успешно оформлены, и работать предстоит в ночном клубе в Стамбуле. В течение первого месяца ей обещали обучение восточным танцам, счет за которое оплатит фирма. В дальнейшем из Марининой зарплаты будут вычитать определенную сумму на покрытие этих расходов, а также проценты, которые и составят прибыль фирмы.

В аэропорту Стамбула руководитель группы девушек отобрал у всех паспорта, объяснив, что это необходимо для оформления права на работу в Турции. Больше своих документов они не видели. Девушек привезли в какой-то дом на окраине Стамбула. Как потом оказалось, это был рабочий район города, а вовсе не один из шикарных кварталов, фотографии которых им демонстрировали в агентстве. Дом выглядел старым, стены отчаянно нуждались в покраске, а потолок — в штукатурке. Их поселили в комнаты по шесть человек. В ванной не было горячей воды, но это оказалось только начало! Вечером приказали собраться в общей комнате, где девушек представили огромной тетке с лицом, похожим на физиономии деревянных идолов с острова Пасхи. Тетку звали Латифе, и один ее вид наводил ужас. Поджав толстые губы, она принялась осматривать вновь прибывших. Латифе заставляла их открывать рот и внимательно проверяла зубы, щупала девушек за грудь и зад. Наконец, удовлетворенная осмотром, женщина сказала по-русски с акцентом:

— Ладно, сойдут.

И тут «гости» из России узнали, чем именно им предстояло заниматься на турецком берегу. Танцами здесь и не пахло! Латифе откровенно заявила, что девушек привезли для занятий проституцией. Марина испытала настоящий ужас, но еще больше она поразились, что отнюдь не все девушки выглядели удивленными или напуганными: очевидно, они предполагали такой расклад, но тем не менее согласились на работу!

Латифе сказала, что ее не интересует, на что они подписывались: главное сейчас — отработать деньги, которые «фирма» на них потратила. Некоторые девушки возмутились и потребовали, чтобы им вернули па-

спорта и позволили связаться с российским консульством в Стамбуле, но Латифе только рассмеялась, уперев унизанные перстнями руки в толстые бока. Потом она повернулась к двери и крикнула что-то по-турецки. В помещение вошли два здоровенных мужика.

— Познакомьтесь, девочки, — сказала она. — Это — Кадер и Хаким, они работают со мной. Если кого-то что-то не устраивает, сразу же обращайтесь к ним: они быстро улаживают все проблемы.

Новенькие не сразу поняли, что Латифе имела в виду, но озарение не заставило себя ждать. Тех, кто требовал немедленной отправки домой и аннулирования контракта, увели, а вернулись они в свои комнаты в таком истерзанном виде, что последние сомнения отпали сами собой: девушки теперь — рабыни Латифе, которая содержит публичный дом, и все они с этого момента полностью зависят от ее милости.

— Нас кормили один раз в день — вечером, после «работы», как собак после охоты, — продолжала Марина. — Тех, кто пытался качать права, били пластиковыми бутылками, наполненными водой: удары болезненные, но следов не остается, ведь наши хозяева не хотели портить «товар»! В день каждая обслуживала по восемнадцать клиентов. Это были далеко не богатые люди и платили они не много. Денег мы не видели. Нам говорили, что мы мало зарабатываем, и все идет на покрытие «долгов» перед фирмой.

Девушек заставили перекраситься в платиновый цвет: восточные мужчины предпочитали блондинок, а Латифе во всем угождала клиентам. Марину ни на минуту не оставляла мысль о побеге, но, когда она делилась ею с подругами, те принимались отговаривать, и их доводы казались убедительными.

— Куда ты пойдешь? — спрашивали они. — Нас же не выпускают, мы даже не знаем точно, где находимся! Как отыскать российское консульство? У тебя нет ни копейки денег, ты не смогла бы добраться до места, даже если бы знала, куда ехать!

Но Марина не могла больше выносить пребывания в борделе. Латифе запрещала им пользоваться презервативами. Когда девочки беременели, им устраивали преждевременные роды, а плод закапывали во дворе.

А потом появился Гаджиев. Марина узнала его под именем Туфана Седата. Этот человек, особый клиент Латифе, никогда не платил за услуги девушек. После встреч с ним они долго не могли прийти в себя: Туфан отличался извращенными наклонностями в сексе, и после «общения» с ним они несколько дней пребывали в нерабочем состоянии. Кроме того, оказалось, что Туфан занимается съемкой порнофильмов. Это были не постановочные фильмы, а произведения совсем другого рода. Туфан устанавливал скрытые камеры в каждой комнате борделя и снимал девушек и их клиентов. Такая продукция пользовалась бешеным спросом как в самой Турции, так и во многих других странах мира.

Марина провела в этом аду больше года и не видела никакого просвета, ни малейшей надежды. Но шанс подвернулся. У нее появился постоянный клиент по имени Али, владелец небольшой текстильной фабрики. Он говорил, что его жена тяжело больна, и он вынужден пользоваться услугами Латифе. Марина ему нравилась. Приходя в бордель, он требовал исключительно ее. Они не только занимались сексом, но и подолгу разговаривали: за время жизни у Латифе Марина неплохо выучила турецкий и практически не испытывала трудностей в общении. Али был добрым

человеком, и однажды Марина решилась поговорить с ним откровенно. Она описала ему жизнь девушек в публичном доме Латифе и попросила помочь ей вырваться и вернуться домой. Сначала Али испугался и пропал на несколько недель. Марина боялась, что он больше не появится, но ошиблась. Он пришел, чтобы помочь. У Али была большая семья и больная жена на руках, и у него не хватило бы денег, чтобы выкупить Марину из рабства. Вместе они разработали план побега. Али отвез девушку к воротам консульства.

Но Марине не повезло: консула отозвали в Москву, а новый еще не приехал. Временно исполняющий обязанности консула считал, что не может самостоятельно принимать решение по такому серьезному делу. «Приходите завтра», — вот какой ответ приходилось выслушивать Марине день ото дня. Денег Али едва хватало на скудное пропитание, а ночевала она на пляже. В конце концов, девушка поняла, что должна помочь себе сама. С трудом добралась она до аэропорта и села в зале ожидания. Она и сама не знала, на что рассчитывает, но так ей казалось, что она ближе к России, чем в центре Стамбула. Аэропорт потряс девушку своими гигантскими размерами. Прилетев из Москвы почти год назад, она находилась в группе из пятнадцати девушек, и их сопровождал представитель «агентства». Теперь же Марина испытала шок от неразберихи и сумятицы, царящей на всех этажах огромного здания, аэровокзала. Отовсюду слышалась разная языковая речь — ругань на турецком, когда носильщик разбирался с пассажиром, не желавшим платить названную цену, болтовня немецких туристов, бродящих вдоль торговых рядов, даже английская речь долетала до Марины. И только русской речи слышно не

было. Правда, Марина плохо себе представляла, что бы сказала русским туристам, если бы удалось их обнаружить. Попросила бы денег? Вряд ли они поверили бы ей и отдали немаленькую сумму незнакомой девушке, которая после всех перипетий выглядела, как пациентка клиники для умалишенных!

Она одиноко сидела на скамейке, глядя на проходящих мимо туристов. Загорелые, отдохнувшие в хороших отелях, они понятия не имели о том, что рядом протекала совсем другая жизнь! Внезапно взгляд Марины выхватил из толпы пару: средних лет турок с благородной сединой на висках и красивая молодая женщина европейской внешности шли по направлению к выходу из здания аэропорта. Когда пара поравнялась с местом, где сидела Марина, она с удивлением услышала русскую речь! Девушка не раздумывала ни секунды и, вскочив со скамейки, бросилась к незнакомке. Схватив ее за руку, она забормотала:

— Вы русская? Вы правда русская?!

— Сейчас я понимаю, — едва заметно улыбнулась Марина сама себе, — что любая другая испугалась бы моего безумного вида и не стала разговаривать, но мне повезло. Эта женщина и в самом деле оказалась русской женой богатого турка. Я выложила ей историю про свои мытарства, и она сказала, чтобы я поехала с ними к ним на виллу.

Женщину звали Олесей, а ее мужа — Кемалем. Оказалось, что он говорит по-русски, потому что долгое время работал в Москве и Санкт-Петербурге. Неделю Марина провела у них на вилле, как в раю, пока Олеся занималась восстановлением ее документов через российское консульство. На восьмой день Олеся купила ей билет на рейс до Москвы и отвезла в аэропорт.

— Я не знала, как благодарить Олесю за все, что она для меня сделала, — говорила Марина со слезами на глазах. — Она сказала, что делает это не только ради меня, но еще ради одного человека, перед которым в большом долгу. Я не поняла, что она имела в виду, но допытываться не стала — не до того было!

Вернувшись домой, Марина познакомилась с Володией Болдыревым, который приехал в их городок в командировку, и стала его женой. Молодые перебрались в Санкт-Петербург. Разумеется, Марина ничего не рассказывала мужу о своем бурном прошлом и боялась, что он когда-нибудь все узнает.

— Я ничего не могу обещать, — сказал капитан, когда женщина закончила свой рассказ, — но попытаюсь сделать так, чтобы вам не пришлось выступать в качестве свидетеля. Возможно, письменных показаний окажется достаточно, и тогда ваш муж так и останется в счастливом неведении. Вам, Марина Леонидовна, придется завтра зайти к нам.

Молодая женщина обреченно кивнула.

— А теперь, — продолжал Фисуненко, — я прошу вас взглянуть на несколько фотографий. Возможно, вы узнаете кого-нибудь из этих девушек.

Он вытащил из портфеля несколько альбомов, которые оперативники обнаружили при обыске квартиры Гаджиева. Марина долго рассматривала снимки и только головой качала.

— Нет, — сказала она наконец, когда до конца последнего альбома оставалось всего несколько страниц, — я их не знаю. Вы в курсе, что Гаджиев занимался не только нелегальным бизнесом, связанным с продажей девушек в бордели? Он также владел модельным агентством, которое вполне официально за-

регистрировано в Санкт-Петербурге. Похоже, эти девушки — модели, судя по внешности. Наши-то были немного попроще, а эти...

И тут Маринины глаза широко раскрылись и она ткнула пальцем в фотографию на последней странице.

— Вы узнали кого-то? — вскинулся Фисуненко.

Перегнувшись через кофейный столик, расположенный между диваном и креслом, в котором устроилась Марина, Гаврилов увидел, какое именно фото разглядывает Марина: это оказалась та самая девушка, которая привлекла внимание шефа в день обыска на квартире Гаджиева. Невозможно было забыть эти огромные синие глаза и черные гладкие волосы, зачесанные назад с высокого лба.

— *Эта* девушка находилась с вами в борделе? — спросил с надеждой младший лейтенант.

— Да нет же, — пробормотала Марина. — Это Олеся!

— *Та самая* Олеся, которая помогла вам в аэропорту?

— Точно, — кивнула Марина. — Вот уж не ожидала ее здесь увидеть!

— Спасибо, вы нам очень помогли, — быстро сказал капитан, захлопывая альбом и поднимаясь. — Жду вас завтра к часу дня.

Оказавшись на улице, Гаврилов поинтересовался:

— Вы подозреваете Марину в убийстве Гаджиева?

— Не думаю, что она — убийца, — покачал головой Фисуненко. — Вспомни, как был убит Гаджиев: кто-то очень мстительный сделал все, чтобы он помучился перед смертью. Согласись, надо обладать железными нервами, чтобы пойти на такое, а Марина Болдырева вовсе не похожа на Мату Хари. Она до смерти рада, что все шито-крыто, и ни за что не стала бы ворошить